

УБИЙСТВО НА ЭКЗАМЕНЕ

Ирина Градова

Ирина Градова

Убийство на экзамене

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Градова И.

Убийство на экзамене / И. Градова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В этот раз выпускной экзамен с самого начала был какой-то странный. Перепутанные имена участников, толпа симулянтов, аферы с переодеваниями и не только – это немного необычно, но за рамки школьных будней не выходит. А вот убитый в коридоре министр образования – уже проблема. И ее нужно скрыть по приказу начальства, которое боится бюрократической волокиты в случае досрочного завершения экзамена. Двое молодых педагогов, нашедших мертвого министра возле своего поста, вынуждены взяться за расследование, потому что убийца постоянно за кем-то охотится, а полиции очень хочется найти козла отпущения.

© Градова И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Ирина Градова

Убийство на экзамене

* * *

Они бежали со всех сторон, крича страшными голосами. Лучше бы оказаться за пару километров от этого места, но было уже поздно. Меня боднули головой в живот, затем я получила ощутимый удар локтем под дых. Попытка стряхнуть с себя наплывших агрессоров оказалась тщетной. Заслонившись тяжелой сумкой, я собралась и энергично двинулась вперед, при этом нанесла удар локтем по чьей-то голове. Мое плечо отпустили, взамен с размаху наступили на ногу, но я рванулась сильнее. Затрещала какая-то ткань. Кто-то из агрессоров не удержался и упал. Раздался отборный мат. Растволкав беснующихся учеников, я наконец-то дошла до учительской.

– ...Но я не промах! – раздался голос новенькой учительницы начальных классов, которая пришла в нашу школу всего месяц назад. Звали ее Марина Павловна. Она была миниатюрная, как зарплата, отчего со спины ее часто путали с ученицами.

– Что же вы сделали? – заинтересованно спросили остальные присутствующие.

– Я вцепилась в какого-то ребенка, поэтому меня не выкинули! – гордо закончила она, воинственно взмахнув тонкими руками.

– Это вы хорошо сообразили, – похвалила ее бывшая завуч.

– А меня не выкинут – я толстая! – обрадовалась вторая бывшая завуч. – Марина Павловна, вы худенькая, вам надо поправиться, тогда вас не сбросят. Купите пирожков ради собственной безопасности.

– Что случилось? – спросила я. Разговор про пирожки и безопасность был совершенно непонятным.

– Меня чуть не выкинули с лестницы, – заявила Марина Павловна, закутываясь плотнее в невероятно цветастую шаль. – Правда, он потом уже у директора сказал, что принял меня за ученицу начальных классов, потому и пытался выбросить.

– Зачем?

– Потому что думал, что я ученица. Опять не понимаешь? Так, рассказываю с самого начала. Это все было очень неожиданно. Иду я вниз по лестнице, чувствую, в меня чьи-то руки вцепились, и пытаются вышвырнуть с лестницы. Но я не промах! Сама вцепилась в какого-то ребенка, нас двоих он уже не выкинул!

– Кто?

– Какой-то старшеклассник. Может, знаешь, высокий такой, бородатый, с пропитой рожей тридцатилетнего мужика.

– Знаю. Он из девятого «Б». Единственный алкаш в своем классе.

– Оно и видно.

– Остальные наркоманы...

– Я его потащила к директору, – продолжила Марина Павловна.

– И что ему будет?

– Ничего, наверное. Он же вреда мне не причинил, состава преступления нет, значит, уже к вечеру обо всем забудет. А я буду ждать новых покушений.

– Быстро же вы адаптировались. И как увлекательно вы рассказываете о попытках убийства, – одобрила ее химичка.

– Да, у нас надо быть всегда готовыми к стычкам, – обреченно пробормотала учительница истории Дарья Геннадьевна.

– Не ходите по школе в одиночку, – посоветовала химичка.

– После такого стресса вам надо отдохнуть, – сказала я. – Сходите на вольные хлеба.

Вольными хлебами у нас называлось бесплатное нелегальное кормление учителей в столовой. Главным фактором была конспирация. Нужно было есть максимально быстро и максимально незаметно, желательнее, в подсобке кухонного персонала или под столом. Чтобы директор не увидел.

– Хорошая мысль. Но сегодня директор злой, так что вряд ли поесть удастся.

Конечно, мы могли покупать обеды за деньги, но даром было экстремальнее и вкуснее. Кстати об экстриме:

– Скажите, куда можно положить этот мяч? – спросила я, доставая из сумки полусдутый волейбольный мяч, которым девятый класс играл на уроке.

– Засунь в дырку совятника, – посоветовала химичка, приглаживая свои густые черные волосы.

Скворечники валялись у нас в учительской с начала моей работы. Один из птичьих домиков назывался совятником и имел размеры собачьей будки. Я попыталась просунуть мячик в отверстие, но не преуспела.

– Положи вон на ту перевернутую парту, – сказала Марина Павловна. – Все равно его сопрут.

Это правда. Из учительской воровали все. Даже один ботинок физички, стопку тетрадей учительницы русского и шарфик Дарьи Геннадьевны.

Шли последние дни учебного года, ученики напоследок особо энергично изводили учителей, последние терпели, стиснув зубы, и мечтали о каникулах. Некоторые сознательные дети пытались исправить оценки. С этой целью меня позвал в коридор нервный мальчик из седьмого класса.

– Лидия Викторовна!

– Владимировна! Сколько можно?!

– Я сделал задание! – радостно вскрикнул он и с размаху ткнул мне в лицо помятым листком. Я рефлекторно отшатнулась.

– Не надо тыкать мне листом в глаз.

– Я не в глаз тыкал, а в нос.

Предполагается, что это должно меня задобрить.

У меня из головы не уходили мысли о каске или бронежилете. Потому что у нас не общеобразовательное учреждение, а школа диверсантов. Мы, учителя, не прикладываем усилий для образования с террористическим уклоном, оно само как-то получается. Чего только со мной не случилось за недолгое время работы! Строго говоря, не только со мной, но и с другими учителями, особенно молодыми. К мелкому хамству мы давно привыкли, к угрозам тоже, а вот к попыткам столкнуть с лестницы – еще не успели. Скорее всего, это приходит с опытом.

Как будто учебного года было недостаточно, нас вдобавок направили на экзамены. На них тоже постоянно что-то случается. Видимо, нас решили добить, чтобы повсеместно обновить педагогический состав. Неправда, кстати, что волнуются только сдающие – организаторы на ЕГЭ тоже нервничают. Иногда мне кажется, что проще будет сдать самим экзамен, чем провести его. На ЕГЭ церемониал такой, что после него выучить весь этикет королевских дворов – дело плевое.

Обязанности учителей, как полицейские, так и курьерские, на экзамене чрезвычайно разноплановы. Часть учителей берет на себя полицейские функции, обыскивая сдающих с металлоискателями у входа. Затем выпускников разбирает по кабинетам самая страдающая часть педагогов – те, кто попал организатором в аудитории. В коридорах сидит третья часть учителей, чья задача – провожать сдающих в туалет и бегать по этажам с поручениями.

Меня зачислили во все списки идущих на экзамены. Во все пять. Больше никто из коллектива не пользовался такой популярностью. Я даже прониклась ощущением своей незаменимости – без такого ценного кадра ни один экзамен не обходится! Но затем, вспомнив, что многочасовые посиделки не оплачиваются, я поняла, что используют меня, как козла отпущения. То есть, буду работать долго, принудительно, зато бесплатно. Мечта, а не работник.

Экзаменационные козлы отпущения скопились в кабинете истории, куда втекал ручеек молока из коридора, и ждали нашу главную, которая должна была проинструктировать нас по поводу проведения экзамена. Бывшая завуч, женщина строгая и солидная, в специальном блокноте для педсоветов рисовала рыбок, особое внимание уделяя жабрам. Поскольку педсоветы и просто совещания проводились у нас почти каждую неделю, чтобы директору было не так одиноко, блокнот подходил к концу. Предыдущие его страницы были посвящены небоскрегам с очень тщательно прорисованными окошками. Иногда в них даже можно было различить офисных сотрудников в клетчатых рубашечках, сидящих перед жидкокристаллическими мониторами.

– Слушайте, кто-нибудь отличает друг от друга Великанова и Басова из шестого класса? – спросила химичка, закатывая рукава бежевой водолазки.

– Я отличаю. Великанов похож на свинку, а Басов на упыря. У него уши острые, – отозвалась бывшая завуч, отвлекшись от своих шедевров. – Хотя оба они упыри по сути.

– Я вообще не могу справиться с Басовым, потому что он сильнее меня, – пожаловалась учительница с опытом работы длиной в мою жизнь.

– Да уж, не избавишься от таких, – грустно сказала историчка. Ее вид аристократки позапрошлого века и меланхоличный тон удивительно гармонировали друг с другом.

– Их никакой мышьяк не возьмет, – посетовала химичка со знанием дела.

– Оксид ртути пробовали?

– Жалко добро переводить.

– Усыпите хулиганов! – решительно посоветовала Марина Павловна.

– Представляете, мать Ларионова опять беременна! Лично видела! – поделилась новостью физкультурница.

– Боже мой, еще одного из их семейки учить...

– Да у нее такое пузо, что и двойня может быть!

– Я ей лично аборт сделаю голыми руками! Без наркоза!

– Меня с собой возьмите, я ее подержу, – предложила свои услуги Марина Павловна, очень добрый и отзывчивый человек. В жизни ей совершенно не повезло, потому что ей пришлось учить одного из представителей семейства Ларионовых. Если у меня завалится орден, отдам ей. Она заслужила хотя бы за то, что учит этого ребенка.

– А я опять раскидала человек восемь, – похвасталась пожилая физкультурница.

– Когда и где? – заинтересовалась я.

– Из учительской выходила, а там у дверей толпа как всегда, интернет ловят. Я дверь открыла, они и разлетелись. Обычно летят четыре-пять, а сегодня целый табун свалился.

– Так им и надо. Раз детей нельзя руками трогать, то про трогание через дверь никто ничего не говорил, – одобрила я.

– Всем хулиганам устроить темную! – продолжила бушевать Марина Павловна.

– Нельзя трогать, говоришь? Помнишь, я две недели назад дралась с Усовой? Натрогалась на целый судебный процесс.

Такое не забыть. Усова, отпетая ученица восьмого класса, всем потом хвасталась, что дралась с самой физручкой, скромно умалчивая, кто победил.

Тот факт, что учеников нельзя трогать руками, в последнее время обрел особую актуальность. В учителях видят педофилов. Клятвенно заверяю всех подряд, что это не так. Никаких чувств, кроме «боже, опять они!» дети у нас не вызывают. Будучи учителем в обычной

школе, я прекрасно понимаю мировую финансовую элиту и даже ей сочувствую. Ее обвиняют в создании заговоров, интригах, кознях, человеческих жертвоприношениях и многом другом. Примерно тот же список обвинений, только немного расширенный и дополненный, обрушивается на голову учителей.

– Давайте проведем совещание поскорее. Сидим и слушаем, – раздался голос нашей поху-девшей ответственной за экзамен Людмилы Ивановны, вконец измученной десятками меняющихся постановлений обезумевшего министерства. Но начать мы не успели. Заглянул усатый заведующий столовой:

– Извините, а в пятницу надо кормить учеников или пусть говеют?

– В пятницу что у нас? Генеральная уборка и классный час. Пусть говеют, – сказала Людмила Ивановна.

– Кстати, скажите, а организаторам на экзамене можно есть? – спросила химичка.

– Нет.

– Тогда я не пойду, – буркнула физкультурница.

– Если окажетесь в коридоре, то можете поесть, но втихаря и немного, – снизошла Людмила Ивановна.

– Под столом или в туалете, – дополнила Марина Павловна.

– Внутривенно через капельницу, – тихо вякнула я.

Людмила Ивановна осталась верна теме совещания, не купилась на обсуждение продуктов и возможности поесть, поэтому начала пространно рассказывать об экзамене.

– ...В случае, если сдающего вы застали за использованием шпаргалок, вы обязаны сообщить об этом главному организатору и составить протокол о досрочном завершении экзамена. Если ученик завершает экзамен по причине плохого самочувствия досрочно, вы также заполняете протокол по утвержденной форме. При подаче апелляции также составляется протокол.

– Где достать формы этих протоколов? – уточнила историчка, заматываясь плотнее в свою любимую красную шаль.

– Все документы и бланки будут предоставлены в пункте проведения экзамена.

Главная вещала о всевозможных правилах поведения на экзаменах, голос ее расплывался, в моих глазах сгушалась муть, и я потихоньку засыпала. Суть совещания сводилась к тому, что на любой случай процедура ЕГЭ предусматривает составление протокола. Теперь нам перечисляли все эти случаи. Я продолжила упражнения в зевании. Не от безответственности, а от усталости. Неловко признаться, но мне тяжело орать шесть часов подряд на постоянно сменяющихся детей. Возможно, я вообще профнепригодна из-за этого.

Из коридора раздался жуткий вопль.

– Что это? – встрепелась я. Мой стаж работы здесь был около трех месяцев, поэтому я еще не ко всем странностям привыкла.

– Это Влад поставил Косте подножку, и он впечатался носом в пол, – пояснила сидя на месте Марина Павловна. – Будет много крови.

Через полминуты раздался еще один вопль, от которого по спине пробежало стадо мурашек.

– А это что?

– Пострадавший хочет мстить, – припечатала она.

...Экзамен начинался ровно в десять утра, но прийти нужно за полтора часа до него, чтобы пройти инструктаж и подготовить аудитории. Следуя инструкции, я приехала в совершенно постороннюю школу под номером пять, где мы должны были сидеть с учителями из школы номер двадцать два. А мы – пришельцы из восьмой. Сдающие ученики – из школ номер тридцать один, сорок четыре, одиннадцать и двадцать три. В общем, полный интернационал.

Здание школы номер пять было составным: старой части исполнилось полтора столетия, а новую отстроили всего лет сорок назад. В этой школе я была уже на двух экзаменах, и оба

раза главная организатор сажала меня в гордом одиночестве в коридор возле штаба, где на расстоянии метра от двух аудиторий располагались туалеты. Поэтому я тихонько изнывала от скуки, сидя фактически «у параша». Унизительно, но социальный статус педагога отображает.

Штаб располагался на третьем этаже нового здания. Под него отдали два кабинета информатики. В одном заседала сама комиссия, в другом перед экзаменом сидели учителя и оставляли вещи там же. Этот штаб впоследствии запирался и опечатывался.

Половина мест была уже занята. Я приткнулась рядом с подружкой и по совместительству коллегой, тоже ведущей английский. Звали ее Еленой Самариной. Мы были совсем непохожи: я невысокая с темными волосами и острым носом, а она посолоннее, повыше, посветлее, а волосы собраны в хвост. Учились мы в свое время в одной группе и попали на одну работу. Сдружились мы на почве того, что у нас было сходное увлечение: криминалистика. Если я всегда мечтала быть врачом и знала о болезнях и ядах все, что надо знать непрофессионалу, то Ленка специализировалась на тонкостях логического характера. В этот месяц мы синхронно увлеклись историей известного отравителя Грэхема Янга и заодно погрузились в мир токсикологии. По задумчивой физиономии подружки я поняла, что размышляет она, скорее всего, о токсическом действии ароматических углеводородов. Мысли о фосфоорганических ядах обычно характеризуются более нахмуренными бровями. Я отвлекла ее своим вопросом:

– Принесла?

– Конечно. Свежий, изготовлен месяц назад. Вот бутылка, – она протянула мне бутылку кваса, которую я просила купить, потому что в тот раз обе бутылки для нас покупала я.

Историчка Дарья Геннадьевна сидела напротив нас, кутаясь в красную шаль. Сегодня у нее был особенно аристократичный вид: темные волосы собраны в высокий пучок на макушке, темные глаза живо изучают мир, накрашенные губы складываются в неизменно вежливую улыбку. В свои примерно сорок лет она выглядела моложе и одновременно с этим строже, чем большинство людей ее возраста. Я всегда задумывалась, из какого века вышла она со своими манерами и внешним видом. Вероятнее всего, она по духу принадлежала к позапрошлому столетию.

– Лидия Владимировна, держите бэйджик, – окликнула меня учительница химии.

– Спасибо.

– А мой где? – бдитительно уточнила Ленка.

– Не нахожу что-то... – пробормотала на редкость причесанная химичка, роясь в пакете. – Ладно, держи этот. Сойдет.

Мы в удивлении воззрились на бэйджик, который носить должен был, судя по надписи, наш учитель труда Иван Андреевич.

– Остальные не подходят, – извиняющимся тоном сообщила химичка.

– Как это? Их же там много, хоть один должен быть женский.

– Сегодня сдают математику, а тут вдобавок бэйджики физиков и математиков. Не хочешь быть Иваном Андреевичем, будь Леонидом Павловичем.

– Он участвует сегодня в экзамене, – возразила Ленка. – Вот и он.

Леонид Павлович был очень крепким мужчиной лет тридцати и вел в школе музыку. Раньше он служил в десанте, впоследствии гастролировал с каким-то оркестром, но, женившись, решил вести более оседлый образ жизни, и стал работать у нас. Лучше бы в горячую точку попал, честное слово.

– Хорошо, буду лысым трудовиком, – пробурчала Ленка, прикрепляя бэйджик.

– Все равно эти надписи никто не читает, – сказала я в утешение.

– Господи, хоть бы стать портье, – пробормотала она так тихо, что Бог вряд ли ее услышал.

– Портье – это же привратник в гостиницах?

– А здесь коридорный. Ну, привратник у туалета. Притуалетник.

Творческое переосмысление имен и занятий учителей добавило еще больше абсурда в экзамен. Но окончательно подвести нас к грани с бредом должна была распорядительница.

Главный организатор была человеком полноватым и при этом очень подвижным. Она ворвалась в штаб с кипой бумаг в руках. От большой скорости ее очки в толстой оправе чуть не свалились, и она поправила их тычком в переносицу. Чтобы разложить бумаги на столе, ей пришлось подвинуть картонную коробку с надписью «Электронная почта».

– Всем доброе утро. Зачитываю список тех, кто попадает в аудитории. Кого назову первым из пары, тот ответственный организатор.

Как по мне, это самое страшное. Надеюсь, не попаду в их число, потому что из меня получится абсолютно безответственный ответственный организатор, который сам толком не знает, как именно нужно проводить экзамен.

С каждой новой фамилией из перечня становилось все больше мрачных лиц. Мы с Ленкой называли этот список расстрельным и очень боялись в него попасть. Даже более опытные коллеги придерживались подобной позиции, предпочитая бегать по коридорам, чем неподвижно сидеть в аудитории под видеорекамерами.

– Кто не попал в список, тот сидит в коридорах.

Толпа возликовала.

– Давайте я распределю, кто где будет, чтоб потом не мешались у министра под ногами.

– А он приедет?

– Даже со свитой.

– Может, их нужно отвлекать от чего-нибудь? – спросила незнакомая учительница в очках с золотистой оправой.

– У нас уже есть свой Отвлекающий, – туманно пояснила организатор. – Итак, возле штаба в коридоре будет сидеть...вы, пожалуйста. Занимайте место. Будете стражем штаба, – с довольной улыбкой она указала на меня. Я вышла и села на лавочку. Ленку распределили в коридор в старом здании. Она тоже вышла и села рядом, в ожидании, пока закончится инструктаж. До нас долетала почти вся речь организатора.

– ...Вы можете подойти к ученику только в трех случаях: если он хочет выйти, если есть вопрос по оформлению или если ему плохо. Больше вы к ним не подходите и с ними не разговариваете по своей инициативе. И тем более руками не трогаете, как и другими частями тела.

– Смотреть-то можно? – угрюмо уточнил кто-то из расстрельного списка. – Или придурятся к звуку хлопающих ресниц?

– Смотреть вы как раз обязаны. Но дышать и моргать – через раз. Далее... в туалет выпускать только по одному. Очередей возле туалетов не должно быть. Одного выпустили, другой ждет в кабинете. В самих туалетах, несмотря на количество кабинок, может быть только один сдающий.

– Как это осуществить? Они же бегают, будто их понос прохватил.

– Коридорные должны следить за количеством выходящих и регулировать его по мере необходимости... Далее... Металлоискателями проводить, начиная с головы. Не с шеи, не с плеч, а с головы. Чтоб мозги им просканировать. А то были случаи, когда сдающие прятали телефоны в пышных прическах. Ясно?...

– Во что превратили экзамен, а? – шепотом спросила Ленка. – Концлагерь какой-то. Полосатой формы не хватает.

– Не спеши. Исходя из постановления министерства, сдающие должны прийти почему-то в парадной форме. А из каких цветов она состоит? Правильно: черный и белый. Вспоминаем цвет формы заключенных. Черные и белые полосы. Черный и белый цвета, то есть. Так что атмосфера будет немного соблюдена. Учти, что половина наверняка от волнения не завтракала и придет голодной и нервной. Тоже отсылка к концлагерю.

– В следующий раз приду с плеткой и в фуражке для полноты картины, – зловеще прошептала подруга.

Организаторы тем временем вышли из аудитории и побрели по своим кабинетам. Их нумерация загадочным образом менялась каждый раз. Распорядительница – а звали ее Ирина Владимировна – закрыла дверь на ключ и опечатала ее хлипкой бумажкой.

– Ой, забыла список! – она шарахнула себя ладонью по лбу, открыла дверь, заскочила внутрь, забрала листочки и закрыла дверь. Бумажка с печатью приклеилась обратно, будто кабинет не открывали. Мы с Ленкой переглянулись.

– Чего вдвоем сидите? В этом коридоре должна остаться только...эээ...Лидия, – сказала организатор, приглядевшись к моему бэйджику. Ленка со вздохом ушла.

С этого момента начинается час, который не учитывается в экзамене. До начала всей процедуры можно уже рехнуться со скуки. Дело осложняется тем, что нельзя ничего делать. Даже читать. Недавно кто-то из коридорных в другой школе читал книгу, и история эта облетела все учебные заведения и их начальство. Министр увидел коридорную за этим занятием. Диалог произошел примерно такой:

– Что вы делаете?

– Книгу читаю.

– Почему?

– Чтобы не уснуть со скуки, – совершенно искренне ответила она.

Выяснилось, что это запрещено. Как и остальные занятия. Можно было только смотреть в пространство. Разговоры не поощрялись, разве что шепотом или жестами. Чем не карцер? Поэтому оставалось только зарастать паутиной. В результате за проведенное здесь время я знала даже, сколько крапинок на каждой плиточке на потолке. И опытным путем узнала, сколько раз можно моргнуть за одну секунду.

Я приступила к вынужденной медитации. В коридоре все оставалось как было: пятно от разбитого яйца на стене с кусочками присохшей скорлупы, надписи на стенах и изрезанный линолеум. Минут через десять мне надоело сверлить взглядом пространство, и я приняла весьма причудливую позу, чтобы не уснуть.

Из штаба вышла Ирина Владимировна и окинула меня удивленным взглядом поверх очков:

– Сядь нормально, сейчас министр придет.

Принять нормальную позу ради какого-то постороннего человека? Не много ли ему чести? А если ему захочется, чтобы я на руках стояла – тоже исполнить?

Подводить организатора мне не хотелось, поэтому пришлось повиноваться.

На моем этаже было две аудитории. Закрепленные за ними люди тихо сидели и звуков не производили.

Химичка в платье с узором «в червячок» заглянула и пригласила всех на обыск. По одному организатору от аудитории отправились вниз, а за ними увязалась и я.

Мы спустились на первый этаж. Там я сделала несколько наблюдений. Во-первых, никогда не видела столько собранных в одном месте матерящихся людей. Во-вторых, многие «незаметно» совали за пояс длинные свитки шпаргалок. В-третьих, по коридору плыл концентрированный запах кофе, будто где-то рядом рассыпали целую пачку. Выяснилось, что несколько пришедших напивались кофе из термосов, которые затем оставляли в комнате, где их вещи сторожили сопровождающие. Еще несколько выпускников запикивали в рот какие-то таблетки, видимо, нечто вроде допинга. В какой-то мере это логично: ведь кровь на анализ тут не берут и гастроскопию не проводят. Сам обыск оказался процедурой достаточно будничной, но его масштабность впечатляла.

Неподалеку встал субъект, от которого ощутимо несло алкоголем. Принял для храбрости?

– Его можно допустить до экзамена? – шепотом спросила я у Ирины Владимировны. Она принохалась.

– Про запахи ничего не сказано. Вонючие выпускники тоже могут сдавать экзамен. Если он не вырубится в аудитории, то камера не покажет ничего подозрительного.

Экзаменуемые сбились в кучки возле организаторов с соответствующими табличками. Теперь предстояло расфасовать их в аудитории согласно спискам. Я поднялась первой, потому что пора было вступать в дело и строить из себя регулировщика дорожного движения.

– Двенадцатая аудитория – прямо. Тринадцатая – левее. Двенадцатая – прямо, тринадцатая – левее...

Перед экзаменами они настолько волнуются, что путают цифры и норовят прийти туда, где их совсем не ждут.

Их рассадили по строго определенным местам согласно списку. Экзамен начался после прочтения инструкции и заполнения бланков.

В этот раз процедура проходила намного интереснее, чем раньше. Уже через десять минут Ирина Владимировна привела в штаб плачущего высокого парня и заставила писать объяснительную на имя министра. Выяснилось, что у парня прямо перед камерами просыпались шпательки, и теперь ему придется сдавать экзамен через год.

Спустя еще десять минут организаторы из штаба засуетились пуще прежнего: дело дошло до вызова «Скорой» девице, которая изображала приступ вегето-сосудистой дистонии. Я лично ее не видела, опиралась только на слухи, которые мне изложила пожилая учительница начальных классов Галина Михайловна:

– Она не бледнее нас с тобой, пульс вроде в норме, не знаю, чего она так придуривается. У нее никаких симптомов нет, но требует вызвать «Скорую». Уже едут.

Врачи оказались жалостливыми, потому что забрали девицу явно из сочувствия. Ее примеру последовали еще несколько человек, которым уже не стали вызывать помощь из опасения, что «Скорая» обидится и больше не будет сюда ездить.

Меня отправили отнести в шестую аудиторию какие-то бумаги, и я шла, не подозревая, что местами экзамен проходит намного интереснее, чем возле штаба. Идя по лестнице, я услышала странную фразу кого-то из коридорных:

– Расширь ему дырку... да-да, теперь я засуну поглубже...

Не колеблясь, я свернула на этаж – судя по обрывкам разговора, тут происходит нечто из ряда вон выходящее и жуткое, значит, нужно хотя бы посмотреть. В идеале, конечно, поучаствовать. В коридоре я наткнулась на страдальца, вокруг которого суетились двое притуалетников, подсовывая ему салфетки, чтобы вытирать льющуюся из носа кровь. Хоть я и мечтала стать врачом, но от такого количества крови даже мне стало не по себе. Парень может и в обморок хлопнуться при такой кровопотере.

– Засунь ему этот кусок поглубже, – распорядилась Марина Павловна, подсовывая учительнице рисования большой фрагмент бумажной салфетки.

– Может, лучше вы? – робко спросила наша художница. Марина Павловна махнула рукой, забрала клочок салфетки и перешла к решительным действиям.

– Голову подними, ага, вот так, не дергайся, – тут она вцепилась ему в волосы, не давая пошевелиться, и принялась яростно запихивать бумагу в его ноздрю. Как бы это не кончилось судебным процессом о причинении вреда здоровью...

Из шестой аудитории меня послали еще с каким-то поручением в коридор, где сидела Ленка. Подруга встретила меня укоризненно, а сидевшая с ней историчка вообще с ужасом.

– Куда ты вляпалась?!

Я взглянула на натоптанное красное пятно под ногами и обернулась. Тут я увидела дорожку кровавых следов, все еще тянувшихся за мной.

– В лужу крови влезла. Все в норме.

– Где ты ее нашла? – продолжила докапываться Ленка. Историчка тем временем нервно захихикала. Она боялась вида крови, это я запомнила еще с тех пор, когда ее затрясло при виде девятиклассника, проткнувшего себе руку насквозь пластиковой линейкой.

– В старом здании, – пояснила я. И рассказала о настоящем больном.

– Страшно подумать, что дальше случится, – посетовала историчка. – «Скорая», симулянты, шпартгалки, лужи крови... Не хватает апелляции.

Из аудитории выглянула организатор в очках с золотистой оправой и попросила передать Ирине Владимировне, что один из выпускников хочет написать претензию по содержанию задания. Пришлось выполнять и это поручение.

Едва я вернулась на законное место, как снизу раздался шумок, возвещающий о приходе комиссии (хоть какое-то развлечение, бесплатно посмотрю на умных людей). Этот шум ни с каким не спутать. Он очень внезапный, как цунами, и заканчивается в один момент. Объяснить все звуковые характеристики сложно, но его ни с чем не спутать.

Если идет министр, то надо сделать по возможности вменяемое лицо. Я попыталась сделать умную физиономию, но, судя по ощущениям, меня лишь перекосило. Тем временем из штаба в очередной раз выбежала женщина из Управления образования и поскакала куда-то вниз с громким цоканьем. На мою физиономию она даже внимания не обратила, благодаря чему избежала инсульта. Возможно, она и была тем самым Отвлекающим для комиссии, иначе зачем ей бежать в ее сторону на такой скорости. Нормальные люди стараются держаться от начальства подальше.

Шум снизу стих и сменился благоговейной паралитической тишиной. Я задумалась, как должен выглядеть министр – так получилось, что никогда его не видела и плохо представляла, как его зовут. Поэтому я совершенно искренне ждала его визита на мой этаж.

Обещанное развлечение не пришло. Вместо этого ко мне заглянула наша историчка из старого здания. Красная шаль на ее плечах смотрелась невероятно неуместно с учетом того, что в здании было душно.

– Слушай, а ты не согласишься со мной поменяться? – спросила она. – Мне там сквозит и спину продувает. Как бы опять поясница не заболела.

– Всегда пожалуйста. Ирина Владимировна в курсе?

– Да. Все законно, – улыбнулась она, – спасибо.

Пришлось повторить путь в старое здание. Бутылку кваса я прихватила с собой.

– О, ты вовремя. Тут начинают эпидемию поноса, – уведомила меня Ленка.

– Министр был?

– Ходил повсюду. Я даже сдержалась, не хамила ему и не спросила, почему у нас такая низкая зарплата. Его отвлекали от очередей в туалет.

– Кто и как?

– Цокотящая мадам на каблуках и в пиджаке. Ну, которая из управления.

– И как она его отвлекала? А свита что делала?

– Там вся свита – одна тетка. Вон та в синюшном платье трупненькой расцветочки, – силуэт ее мелькнул в конце коридора. – А рядом с ней ходит общественный наблюдатель, но ее что-то не особо видно. Цокотящая мадам показала министру все стенды об истории вычислительных машин, рассказала всю историю школы, насильно показала красоту кованных перил, но он заметил очередь.

– И что сказал?

– На месте – ничего. Сопел только. Скажет он все потом. На высшем уровне.

– Раз так, то нас это не коснется. Мы на самом дне общества.

– У нас мальчик! – раздался громкий шепот из аудитории.

– Сюда его, – это значило, что мужской туалет свободен. Очень скоро из него раздались слова, произносимые свистящим шепотом. Ленка вытаращила глаза и гневно вскинула руки. Возмутиться со звуковыми эффектами она не успела.

– Не дергай ты его. Может, не нужна ему математика. Пусть звонит и болтает, – примирительно прошептала я.

– А если кто-то другой услышит кроме нас?

– Пока никто не услышал... Пусть болтает.

– Как он пронес телефон? Куда его спрятал? – задумалась Ленка. Я не была уверена, что хочу знать, как ученик принес аппарат. Я бы приклеила его к ноге под длинной юбкой или брюками, возможно, засунула бы в великоватый ботинок. Главное, на мой взгляд, это разместить телефон максимально низко. Все равно нижнюю часть ног металлоискателем не проверяют. Никому из обыскивающих не хочется приседать в душное утро по восемьдесят раз подряд, да еще и с металлоискателем в руке.

– Мальчик, – сообщили из кабинета напротив.

– Занято уже.

– У нас девочка, – высунулась черноволосая организатор из кабинета в конце коридора. Я помахала руками, показывая, что можно ее выпустить. Ленка жестами указывала, кто в какую дверь туалета должен идти.

– Тебе не кажется, что это все походит на роддом? – спросила я Ленку. – «У нас мальчик», «у нас девочка», ну чисто роды.

За регулировкой движения выпускников мы слегка потеряли счет времени. Мы даже не подозревали, что их беготня сыграет свою роль в скорой криминальной истории.

– Я чувствую себя какой-то Королевой Унитазов, – пробормотала Ленка на очередном выходящем, – в голове одни туалеты и кто там сидит. Даже когда я отравилась той ветчиной, то столько о туалетах не думала...

– Да, последние полкило колбасы были явно лишние, – сказала я, припомнив, что после тех безалкогольных посиделок в честь Дня Учителя тоже ощущала себя нехорошо.

– Когда они закончат бегать? Они, что, дружно отравились? Некоторые третий раз идут.

– Беготня активизируется через час после начала, а за час до конца почти сходит на нет, – наставительно сказала я, как более опытный сиделец на экзаменах.

– Сколько сейчас времени?

– У меня нет часов. Вывернись и посмотри в кабинетах.

Ленка сунула голову в ближайший кабинет и вынырнула оттуда, едва не потеряв равновесие.

– Еще почти два часа сидеть. Мы тут теряем столько времени, что могли бы выучить все диалекты китайского.

– Давай лучше поиграем в города на французском? Хотя бы на сорок минут нас должно хватить.

– Отлично. *Mogvan*, – сделала она первый ход.

– *Nice*.

Из ближайшей аудитории высунулась организатор в красивых очках с золотой оправой и выразительно показала глазами, что ей нужен дополнительный бланк ответов. Вскоре шквал глазных просьб посыпался отовсюду. Туалетные экспедиции прекратились. Взамен активизировались походы к медсестре за таблетками от головной боли (неужели все вчера для храбрости выпили и перебрали?). Вот уж странно: ни на одном экзамене такого сборища больных я не встречала. Но делать нечего, и мы честно конвоировали сдающих в медпункт. Почему-то они очень радовались, едва завидев медсестру. Хороший специалист, раз пациентам становится легче уже при виде ее.

Ленка вытащила из-под лестницы свою сумку, которую спрятала перед приходом министра, и достала из нее квас. Моя бутылка уже давно стояла под столом.

– Выпьем? – спросила Ленка.

– Конечно.

Мы чокнулись бутылками. Все-таки скорое окончание экзамена вселяло оптимизм.

– Лида, сходи в штаб, – попросила подкравшаяся сбоку учительница технологии. – Возьми еще дополнительных бланков для первого этажа.

Я спрятала бутылку под лавку и опять начала крестный путь в штаб. На моем родном этаже беготня в туалеты еще длилась, а портье, судя по очень усталому виду, уже пересчитала все крапинки на потолке. Но аристократичности в ней не убавилось. Прямая осанка, взгляд высоко. Кринолина не хватает.

За сдвинутыми партами в штабе сидели Ирина Владимировна и Цокотящая особа, к которым присоединилась высокая женщина с распущенными светлыми волосами. Насколько я помнила, она была общественным наблюдателем. Она сидела, расстегнув синий пиджак с короткими рукавами, и энергично протирала руки влажной салфеткой. Все трое имели взволнованный вид. Я изложила просьбу, мне вручили кучу бланков и дали две конфеты.

– Где раздобыла еду? – спросила Ленка, когда я вернулась.

– В штабе.

– Ограбила? – прищурилась коллега.

– Нет, сами вручили конфетки. Будем считать, что сегодня мы работали за еду.

– Я же говорила, что здесь концлагерь. На чем мы остановились? Saint-Chamond, кажется.

– Draguignan...

Города Франции закончились через пятнадцать минут, а деревень мы не знали. Поэтому игра закончилась упоминанием Шербура. Мы снова заскучали. Я вспомнила, что хотела узнать, как выглядит министр. Этот невинный вопрос вызвал целую отповедь. Суть ее сводилась к тому, что министру не надо имени, потому что высокая должность загоразивает личность человека. Кроме того, все солидные чины на вид одинаковые: серьезные неотличимые друг от друга морды, свисающее пузо, дорогие костюмы, тяжеловесная бессмысленная речь. Это если вкратце и культурно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.